И.Л. Шумов, Тверь

ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ ИКОНОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕЧАТЕЙ ГОРОДОВ НЕМЕЦКОГО ПРАВА И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

Новгород и Псков представляют уникальный для Руси, но широко распространенный в Европе пример самоуправляющихся городских общин. Они поддерживали оживленные торговые и дипломатические отношения с такими крупнейшими самостоятельными городами как Любек, Рига, Висбю и, очевидно, там были хорошо известны основные принципы организации власти в городах Центральной, Западной и Восточной Европы, в частности такие системы, как Любекское право и Магдебургское право.

Попытки сопоставления принципов организации городской жизни в Новгороде и западных городах известны как в отечественной, так и в зарубежной историографии[1]. Всецело принадлежа Руси в культурном и политическом отношении, в торгово-экономическом отношении Новгород принадлежал также во многом к Балтийскому региону. Строительство политической структуры в разных городах, наряду с прочими факторами, диктовалось конкретными потребностями организации эффективных суда, торговли и обороны. Некоторые исследователи, например, О.В. Мартышин[2], ставят под сомнение их правомочность, считая препятствием к этому наличие ряда принципиальных отличий. Однако, делать подобные выводы можно лишь после проведения разностороннего сравнительного анализа, который мог бы дать обоснованные данные о сходстве и различиях русских и европейских городов в разных аспектах. Здесь затрагивается лишь один из этих аспектов – сфрагистический.

При всех различиях в иконографии, печати повсеместно обладают рядом постоянных признаков и функции их аналогичны. Различия в иконографии печатей Европы и свинцовых булл Руси, восходящих к византийским традициям достаточно сильны. Хотя в русской эмблематике, особенно в XIV-XV вв. встречаются иконографические сюжеты, заимствованные, по всей видимости, с запада, их выявление является темой для особого исследования. Пока же, ограничимся сравнением тех основ, которые лежали в основе оформления печатей в Новгороде и Пскове и городах немецкого права. К преимуществам такого сравнения относится то, что по его результатам можно судить как о принципиальной сопоставимости средневековых городских печатей Руси и Европы, так и делать выводы о сходстве и различиях идеологических основ их политического строя.

Из всех европейских городов рассматриваются в первую очередь, принадлежащие странам балтийского региона, где в средние века господствовали разные формы автономного самоуправления, восходящие к не-

мецкому городскому праву. Это города Германской империи, Польши, Прибалтики и Скандинавии. Как отмечал М.А. Бойцов, «немецкий город как форма социальной организации вышел далеко за пределы собственно Германии». С расселением немецких бюргеров в соседних странах, происходил экспорт немецкого типа городского устройства[3]. Вряд ли следует удивляться поэтому, что городские печати в этих странах также очень похожи по своему оформлению.

Характерной особенностью городов Северо-Западной Руси было то, что здесь, по-видимому, не существовало единой или главной государственной печати. Так, в Новгороде наряду с буллами, обозначавшимися в разное время последовательно «печать всего Новгорода», «новгородская печать и посадничья», «печать новгородская», «печать великого Новгорода» публично-правовым статусом обладали также печати посадников, тысяцких, именные и «анонимные» печати архиепископов. В Пскове «печати псковские» использовались наравне с «троицкими печатями». Ввиду этого, при сравнении следует рассматривать данные буллы как единый комплекс государственных печатей. В то же время, следует отметить, что европейские города также часто имели не только главную большую печать, но и малую, а также употребляли личные печати городских писцов и бургомистров, а кроме того «секретные печати», которые прежде всего с XIV в. использовались для корреспонденции и были прямо обозначены как Secretum ad missivas или litteras, специальные печати ad causas, ad negotia, ad contractus; в Австрии существовали s. fundi - «земельные печати» (Grundsiegel) для поземельных сделок, встречались также специальные контрштемпели (Gegenstempel), которыми города перебивали в XV в. чужеземные гроши[4]. При этом все они могли иметь разные изображения.

Печати практически всех городов католической Европы имели изображения, сводящиеся к нескольким типам. На сегодняшний день большинство исследователей выводит таковых пять:

1) городская архитектура,

2) святой патрон города (или его символика),

3) городской сеньор (изображение его самого, его герба и прочих символов),

4) атрибуты хозяйственной жизни города,

5) говорящие изображения, обозначающие имя города.

Такие типы выделяли Э. Киттель, К. Блашке, М. Гумовский[5] и, по-видимому, этот список и в дальнейшем останется в том же виде.

По мнению Э. Киттеля, основа любого печатного изображения – портрет владельца печати, что проистекает из значения печати как заменителя подписи. Поэтому древнейшим способом оформления европейских городских печатей было изображение на них городских укреплений – «портрета» города. Из портретности же исходили, помещая на городские печати изображения сеньора или святого патрона, так как они выступали в роли владельцев города. Три указанных типа являются в то же время самыми древними.

Мотивы, связанные с городской архитектурой появляются уже в XII в., в том числе на древнейшей из городских печатей – печати Кёльна 1149 г. Мотив этот не только самый древний, но и самый распространенный. Так, К. Блашке отмечал, что в Саксонии «стенные» печати составляют примерно треть от общего числа[6]. Из немецких городов, имевших древнейшие стенные печати можно упомянуть Эрфурт (1183), Страсбург и Нойсс (1245), Регенсбург (1248) и т.д. Достаточно известен данный тип в Скандинавии: это печати датских городов Лунда, Копенгагена, Калуннборга, шведских Стокгольма (1296), Кальмара (1250), Фальчепинга (1441). В Польше архитектурные сооружения представлены на печатях Познани XIII в., Щецина, Торуня, Хельмна и т.д.

Видимо, помимо портретности, городские укрепления на печатях имели сакральное значение. Стены были не только защитой, но и символом правовой независимости города.

Особое место в общей композиции, как правило, занимают ворота; в них или над ними часто помещали изображения святых патронов города, городских сеньоров или их гербов. В действительности, ворота были наиболее существенной и привилегированной как функционально, так и символически частью городских укреплений. Значение ворот подчеркивалось скульптурными изображениями на их внешней стороне святого покровителя города или Богоматери, герба, а нередко и репрезентативной фортификацией, не имеющей военного смысла, зато создававшей образ города-господина. Таковы, например, знаменитые Хольстентор имперского города Любека[7]. Еще один традиционный предмет гордости горожан – мост; для его строительства требовалось согласие городского сеньора. Мост к примеру нашел свое отражение на городской печати Варенбрюка XV в.[8]

И все же, разумеется, главенствующее положение среди всех городских архитектурных сооружений занимала церковь. Церковный храм, первоначально – единственное общественное архитектурное сооружение в городе. Церковные башни, колокольни как высшие точки городского пространства, определяли своеобразие внешнего силуэта города. Во многих городах они принадлежали не церковной, а городской общине[9].

Кроме собора на городских печатях часто изображался святой, которому он был посвящен либо его общеизвестные символы. Например, в Германии печати Трира и Дуйсбурга изображают самого Христа, печати Страсбурга, Магдебурга, Эссена и Андернаха - Деву Марию и т.д. На печати шведского города Норрчепинга 1367 г. был изображен Св. Олоф. Очень популярны были изображения святых на польских городских печатях как, например, Петра и Павла на печати Познани или Иоанна Крестителя на печати Вроцлава. Однако, при всей своей важности изображение святого, как и изображение собора имело двоякое значение. Городской святой был связан не только с городской общиной, но и с церковной организацией и с городским сеньором-епископом. Первоначально городская община была очень тесно связана с церковной. В постановлениях епископа Буркхарда (1023-1025) Вормс постоянно называется «общиной Св. Петра»[10].

В средневековой Европе каждый город, равно как и каждый человек имел господина. В роли такового по отношению к городу мог выступать епископ, местный феодал, король или император. Он со своей стороны гарантировал городу его право и иммунитет, за что город был обязан определенными повинностями. Столь же двойственную природу имеет и сеньориальная символика на городской печати: с одной стороны она служила символом зависимого положения, а с другой – давала городской печати аутентичность в соответствии со статусом сеньора. Швабское Зерцало (ок. 1275) определяло, что печати городов не имеют силы, если они институированы против воли сеньора[11]. Видимо, отсюда проистекает многочисленность и многовариативность изображений сеньора на печатях и упоминаний его в их легендах. К самым распространенным иконографическим типам относятся:

1. Портрет сеньора (или основателя города) – конного, пешего или сидящего. К примеру на печати Шверина 1255 г. основатель города Генрих Лев представлен в виде конного рыцаря в доспехах. Изображения королей помещены на печатях Ахена, Дюрена, Зинцига и др. ; образ короля на троне представлен на печати польского города Гродиска.

2. Образ святого патрона сеньора города. В Европе этот вариант городской печати достаточно редок. Он, например, известен в случае с печатью немецкого города Растенберга, на которой по одной версии изображен Св. Георгий – покровитель ландграфов Тюрингских, а по другой – Св. Венцель - покровитель епископства Наумбург[12].

3. Гербы и прочая эмблематика. Гербы сеньоров занимали на городских печатях разное положение и комбинировались с различными символами; иногда таких гербовых щитов бывало несколько. Гербы могли быть представлены без щита или только отдельными элементами. Германские вольные имперские города в знак своего привилегированного положения помещали на своих печатях имперского орла как Брайсах, Эссенлинген, Фридберг, Кайзерверт, Кольмар, Меллинген, Ротвайл, Вена. Очень популярно было изображение орла и на польских городских печатях, но здесь он был польского, силезского или мазовецкого происхождения. Княжеский грифон в XIII-XIV вв. был самым распространенным символом на городских печатях Приморья, например Бялогардна, Дарловы, Плотова, Свидницы[13]. Иногда комбинации разных элементов приобретали причудливые формы как на печати Нюрнберга, где сочетание имперского орла с головой короля потом стало истолковываться как гарпия. Помимо гербовых эмблем, власть сеньора символизируют разные атрибуты власти: королевская корона, епископская митра или посох и т.д.

Достаточно распространены символы хозяйственной деятельности городов, например, корабли на печатях городов, активно занимающихся морской торговлей, а также говорящие изображения, обозначающие имя города. Обе эти группы символов, за немногими исключениями, относятся к печатям сравнительно позднего времени. К тому же, нетрудно заметить, что данные мотивы имеют под собой другую основу, нежели три рассмот-

ренные выше. Если печати, использующие символику городской архитектуры, сеньора или святого патрона имеют целью обозначить источник власти, то символы двух последних типов призваны выделить печать данного города из множества прочих городских печатей.

Таким образом, можно было наблюдать, что многочисленные иконографические сюжеты на городских печатях городов немецкого права составляют собой комбинации изображений пяти характерных типов. Можно ли говорить, что схожая типология лежала в основе оформления сфрагистической символики Новгорода и Пскова в XIII-XV вв., когда здесь наблюдается оформление своеобразной иконографии печатей городских магистратур?

Для ответа на этот вопрос необходимо выявить источники изображений на должностных печатях городов Северо-Западной Руси. Рассмотрим прежде всего Новгород. Печати XIII-XV вв. здесь достаточно четко подразделяются на владычные и «светские». Группа печатей владычного круга включает в себя именные печати новгородских архиепископов, анонимные печати с изображением Богоматери «Знамение» на аверсе и голгофского креста на реверсе, а также именные печати владычных наместников в пригородах. Область правового действия печатей этого круга намного превосходила церковные рамки. Они привешивались к важнейшим документам государственного значения: договорам с князьями и иностранными государствами, жалованным грамотам от имени новгородского государства. Анонимными владычными печатями скреплялись акты с частными сделками, т.е. эти буллы сравнимы по сути с нотариальными. Таким образом, новгородские печати владычного круга вполне обоснованно можно признать одной из форм раздельной государственной печати. Главным символом владычных печатей является изображение Богоматери «Знамение». Одновременно, это самая древняя из новгородских сфрагистических эмблем. В принципе, этот сюжет широко распространен в византийской сфрагистике и был также характерен для печатей епископов других русских земель – Киева, Смоленска, Полоцка[14]. Еще А.Б. Лакиер, а за ним С.В. Белецкий относили изображение Богоматери «Знамение» к общим характерным символам церковной власти[15]. Однако, символическое значение Богоматери «Знамение» для Новгорода несравнимо шире. Это отразилось даже в иконографии: уже на ранних владычных буллах Новгорода утвердилось ростовое изображение Богоматери, тогда как в других землях оно неизменно было поясным. Особое почитание образа «Знамения» в Новгороде связано с легендой о победе новгородцев над суздальцами в 1170 г. с помощью иконы, вынесенной епископом на стену. Кроме того, Богоматерь «Знамение» воплощала собой образ Софии-Премудрости Божьей. Изображение Христа в медальоне олицетворяло Софию-Премудрость, а Богоматерь – ее земное вместилище[16]. Известны печати архиепископов Далмата (1251-1273) и Климента (1276-1299), где по сторонам от изображения Богоматери, находятся буквы «СО» и «FI». На новгородских иконах XV в. можно видеть местных святых, сопровожда-

емых вверху все тем же образом Богоматери «Знамение»[17]. Из всего этого видно, что изображение Богоматери «Знамение» на новгородских печатях было патрональным по отношению к собору Св. Софии и Новгороду вообще. Его роль в новгородской сфрагистической эмблематике сходна с изображениями святых на городских печатях Европы с тем отличием, что в Новгороде оно никогда не перешагивало за рамки печатей владычного круга. В то же время, должность епископа, избираемого с 1156 г. на вече из местного духовенства вписывалась в общую систему магистратур.

К собственно городским магистратурам в Новгороде относятся посадники и тысяцкие, использовавшие именные печати. Вместе с тем, существовали еще печати, обозначавшиеся «Печать Новгородская» и «Печать Великого Новгорода». Порядок их использования до конца не выяснен. По мнению В.Л. Янина, это были печати «Совета господ» - государственного совета, состоявшего из посадников и тысяцких. По всей видимости, эти печати пришли на смену более ранним, имевшим надписи «Печать Всего Новгорода» и «Новгородская печать и посадничья».

Ни один из указанных выше типов должностной печати не имеет одного характерного изображения. В то же время, на каждом из них один и тот же набор сюжетов. За немногими исключениями, таких сюжетов пять: пеший воин, всадник, лев, орел и Вседержитель. По поводу значения данных эмблем высказывались разные предположения. Изначально преобладали версии о республиканской эмблематике; в указанных эмблемах предполагали протогербовый характер. Так, еще Н.П. Лихачев, а вслед за ним И.Э. Клейненберг, ссылаясь на преобладание среди указанных изображений льва, называли его «почти гербом» Новгорода[18]. Оригинальная гипотеза была выдвинута крупнейшим знатоком новгородских печатей В.Л. Яниным. Согласно ей, каждая из пяти эмблем символизировала один из концов Новгорода[19]. Вскоре такая точка зрения была поставлена под сомнение С.М. Каштановым[20]. В настоящее время многие исследователи склоняются к мысли, что все пять изображений относятся к великокняжеской символике[21]. Такая точка зрения представляется наиболее убедительной. Изображение Вседержителя издавна встречается на буллах византийских императоров. После падения Константинополя этот символ верховной власти обживается с н. XIII в. на печатях великих князей Владимирских, начиная с Ярослава Всеволодовича и кончая Иваном Калитой. Остальные 4 сюжета – лев, орел, всадник и воин также известны на великокняжеских буллах, хотя наибольшее распространение они нашли на монетах. При этом, два последних сюжета, строго говоря, эмблемами не являются: средневековой иконографии чужда абстрактность человеческого изображения. И под воином и под всадником подразумевался конкретный человек и, судя по всему, не кто иной как великий князь.

Псковская сфрагистика не столь богата, хотя и здесь прослеживается разделение булл светского и церковного круга. Церковные печати, принадлежавшие, по всей видимости, владычному наместнику, сначала несли уже знакомое изображение Богоматери «Знамение» и голгофского креста

(позже - только Богоматери) с письменным посвящением Троице, а после - образ Ветхозаветной Троицы с письменным указанием на принадлежность новгородскому архиепископу. По мнению В.Л. Янина, оформление собственно псковских церковных печатей на основе стандартных новгородских печатей владычных наместников началось в 1348 г., когда владычный наместник стал назначаться из псковичей[22]. Богоматерь «Знамение», выражавшая церковную зависимость Пскова от новгородского архиепископа, была во 2-ой пол. XV в. заменена изображением собственного покровителя – Троицы. Вполне очевидно, что этот сюжет имеет для Пскова то же значение, что и Богоматерь «Знамение» для Новгорода и соответствует тем изображениям святых, которые мы в изобилии находим на европейских печатях. Интересно, что сходные случаи выражения церковной зависимости в сфрагистике можно обнаружить и на немецких городских печатях еще в XII в. Это, например, печать Зоста, изготовленная по образцу кельнской, с изображением покровителя кельнского архиепископа Св. Петра в епископском облачении. В XIII в., во время борьбы за независимость, зостцы противопоставили Св. Петру своего патрона - Св. Патрокла, изображенного на малой печати. На городской печати Эрфурта был представлен патрон епископства Майнцского - Св. Мартин, который не относился в Эрфурте к особо почитаемым святым[23].

Печати светского круга представлены так называемыми «Печатями Псковскими», атрибуция которых неясна, зато обе известные разновидности этой печати датированы: первая 6933 (1425), а вторая 6977 (1469) годом. На обеих печатях представлена человеческая голова в короне. Ясно, что в данном случае мы имеем дело с портретом правителя, в котором предполагали Псковского князя Довмонта (1266-1299)[24]. С другой стороны, логично также предполагать в данном изображении портрет великого князя Московского, тем более, что печать 6977 г. снабжена легендой: «печать псковска водьчины великого кн#z# івана васильевич». В московской великокняжеской эмблематике этот тип изображения достаточно редок, хотя можно упомянуть печать Дмитрия Донского[25]. Таким образом, это изображение встает в один ряд с пятью рассмотренными сюжетами на новгородских печатях, символизирующих власть великого князя. Всадник, пеший воин и коронованная голова представляют собой портрет князя, а Вседержитель, орел и лев – его властные эмблемы. Все вместе данные сюжеты соответствуют той группе изображений на европейских печатях, которые представляют сеньориальную символику.

Главный вывод, который можно сделать из вышеизложенного – основы иконографии печатей средневековых городов Руси сопоставимы с теми, что были характерны для городов Европы. Из пяти иконографических типов, представленных на печатях городов немецкого права на буллах городов Северо-Западной Руси представлены два. Объяснить отсутствие символов ремесла, торговли и говорящих изображений можно их сравнительно низким политическим престижем. Но чем, в таком случае, объясняется игнорирование символов городской архитектуры, наиболее популярных в

европейских городах? Очевидно, что городские укрепления и такие постройки как собор, мост и т.д. имели для новгородцев и псковичей не меньшее политическое значение. В летописных текстах каждое упоминание Новгорода сопровождалось изображением многоглавого храма, окруженного крепостной стеной[26]. В Пскове эта тема все же нашла свое выражение в сфрагистике, хотя лишь в виде надписи, которая на «Печатях Псковских» 6933 г. звучит так: «печать псковьскага тогда и перси свьрьшішь камены». Перси - первоначально южная стена псковского кремля, утратившая после постройки Довмонтова города свое реальное оборонительное значение. По мнению Г.Я. Мокеева, перси были местом, где собиралось псковское вече и с XIV в. это сооружение приобрело чисто политическое значение. На верху его была сооружена колокольня[27]. Видимо меньшая популярность символов городской архитектуры в сфрагистике Новгорода и Пскова объясняется отличным отношением горожан к сельской округе. В Северо-Западной Руси городские стены не ограждали городскую свободу от феодального права; город не замыкался в стенах от сельской округи как пространства враждебного, а наоборот, образовывал для нее правовое поле.

Таблица 1.

Образцы изображений на европейских городских печатях.
1. Городские укрепления (Кобленц). 2. Святой патрон (Рингстед).
3. Сеньориальная символика (Росток). 4. «Говорящая» печать (Крёппелин). 5. Символы ремесла и торговли (Любек).

Таблица 2.

Примеры символов на печатях Новгорода и Пскова.

1. Святые патроны (а - Новгород, б - Псков).

2. Великокняжеская символика (а-д - Новгород, е - Псков).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. напр. ***Хаммель-Кизов Р.*** Новгород и Любек. Структура поселений двух торговых городов в сравнительном анализе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 234-240.

[2] ***Мартышин О.В.*** Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 50-53.

[3] ***Бойцов М.А.*** Города Германии до к. XV в. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. М., 1999. С. 76.

[4] ***Kittel E.*** Siegel. Braunschweig, 1970. S. 307.

[5] ***Kittel E.*** Op. cit. S. 303; ***Blaschke K.*** Siegel und Wappen in Sachsen. Leipzig, 1960. S. 36-37; ***Gumowski M., Hasig M., Mikucki S.*** Sfragistyka. Warszawa, 1960. S. 236-243.

[6] ***Blaschke K.*** Op. cit. S. 36.

[7] ***Ястребицкая А.Л.*** Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 256.

[8] Lexikon Städte und Wappen der DDR. Leipzig, 1984. S. 472.

[9] ***Ястребицкая А.Л.*** Ук. соч. С. 268.

[10] Средневековое городское право XII-XIII вв. Саратов, 1989. С. 26.

[11] ***Kittel E.*** Op. cit. S. 316.

[12] Lexikon ... S. 369.

[13] ***Bolduan T.*** Gryf. Godio Pomorza. Gdansk, 1971. S. 37-48.

[14] ***Янин В.Л.*** Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 178-179; ***Хорошкевич А.Л.*** Печати полоцких грамот XIV-XV вв. // ВИД. Вып. 4. Л., 1972. С. 142-143.

[15] ***Лакиер А.Б.*** Русская геральдика. М., 1990. С. 103; ***Белецкий С.В.*** Памятники древнерусской сфрагистики (проблема принципиальной атрибуции) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1, СПб.-Псков, 1997. С. 66.

[16] ***Буров В.А.*** Очерки истории и археологии средневекового Новгорода, М., 1994. С. 168-173.

[17] ***Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А.*** Живопись Великого Новгорода, XV в. М., 1982. С. 74.

[18] ***Клейненберг И.Э.*** «Лютый зверь» на печатях Великого Новгорода XV в. // ВИД. Вып. 2. Л., 1969. С. 177, 188.

[19] ***Янин В.Л.*** Актовые печати ... Т. 2. С. 142.

[20] ***Каштанов С.М.*** Древнерусские печати (размышления по поводу книги В.Л. Янина) // История СССР. 1974. № 3. С. 179-180.

[21] См. напр. ***Хорошкевич А.Л.*** Еще раз о символах русской государственности: византийские и западноевропейские традиции в русской средневековой сфрагистике // Римско-Константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва. 29-31 мая 1989. М., 1995. С. 206-209.

[22] ***Янин В.Л.*** Сфрагистический комментарий к псковским частным актам // Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV-XV вв. М., 1966. С. 165.

[23] ***Groten M.*** Studien zur Frügeschichte deutscher Stadtsiegel // Archiv für Diplomatik. Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. Bd. 31. Köln, Wien, 1985. S. 458.

[24] ***Янин В.Л.*** Вислые печати Пскова // СА. 1960. № 3. С. 248; ***Белецкий С.В.*** «Печати Псковские» / Сфрагистика средневекового Пскова, Вып. 1, СПб., 1994, С. 17.

[25] ***Янин В.Л.*** Актовые печати ... Т. 2. № 422.

[26] ***Черный В.Д.*** Великий Новгород в древнерусской книжной миниатюре // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 135.

[27] ***Мокеев Г.Я.*** Перси Пскова (по историческим данным и морфологическим признакам) // Архитектурное наследство. М., 1972. № 20. С. 27, 30.